

На мальчишке висели лохмотья некогда ярко-алого одеяния, испачканные грязью и кровью. Растрепанные, слипшиеся пряди волос закрывали лицо, мешая разглядеть его тонкие, нежные черты; лишь взгляд темных глаз оставался отрешенным и пустым.

Он из последних сил заносил клинок, пытаясь достать хохочущего перед ним человека.

Удар. Еще один. И еще. Но все мимо.

— А ведь когда ты кромсал собственную матушку, Чэнь-эр, рука твоя не дрожала, — Фан Сяньшань с издевательской легкостью уклонился от детских взмахов. — Что же сейчас ни разу попасть не можешь?

— Эх, ты уж не держи зла на дядюшку Фана. Я бы и сам с радостью прикончил этих двоих, да только твой папаша испустил дух слишком быстро. А мамаша твоя — из клана Дуань, кто знает, когда бы она задохнулась? Вдруг она уже подыхала, а я бы ее еще раз ткнул мечом? Навлек бы на себя проклятие, не иначе.

— До чего же мне себя жаль, просто до слез.

Фан Сяньшань швырнул мальчика на землю и, продолжая ухмыляться, вдруг действительно смахнул со щеки пару слезинок.

— Столько лет ненавидел этих двоих, и вот — не успел оглянуться, как их не стало.

— М-м?

Заметив, что ребенок судорожно сжимает в кулаке пожелтевшую бумагу, он сквозь слезы рассмеялся пуще прежнего:

— Амулет мира и покоя?

— Не удивляйся, я смеюсь не потому, что этот талисман никуда не годится. Напротив, вещь знаменитая. В год твоего рождения названная сестра твоей матери запечатала в нем свою лучшую технику. Потрясающее мастерство, спору нет.

— Да только толку-то? Справишься ли ты с ним? Без духовных сил эта бумажка — пустой хлам. Даже если сумеешь ее активировать, ни малейшей бури тебе не поднять.

Он уселся прямо на землю, скрестив ноги и подперев подбородок рукой, всем своим видом изображая заботливого наставника.

— Это тебе не те дешевые безделушки, которые мастерил твой отец для простых смертных. Давай я тебя поучу? Сказать по правде, мне и самому чертовски любопытно взглянуть, как выглядит знаменитый меч цвета лазури... Что ты там шепчешь?

Губы мальчика едва заметно шевельнулись.

Фан Сяньшань издевательски оскалился:

— Говори громче! Когда ты умолял дядюшку Фана спасти твою матушку, голосок у тебя был куда звонче.

Мальчик поднял на него тяжелый взгляд.

Гун Чэнь прекрасно понимал, о чем говорит его мучитель. На такой случай у него при себе всегда был дочерний талисман заимствования духовной силы — верное средство, чтобы временно перетянуть чужую энергию.

Но родителей больше нет. Он не мог подпитаться от их материнских талисманов. Фан Сяньшань знал об этом и потому вел себя так нагло и безнаказанно.

Вот только...

Гун Чэнь искажил рот в подобии усмешки. Отец подготовил для него четыре материнских талисмана заимствования духовной силы. Два из них, что были у родителей, теперь превратились в бесполезный пепел. Но оставался еще один.

— Фан... Сянь... шань...

— К твоим услугам. Хотя мне не очень-то нравится это имя — его ведь дал мне твой отец. Так что лучше зови меня по-новому...

— Сдохни, — тихо обронил мальчик.

В то же мгновение спину Фан Сяньшаня опалило нестерпимым жаром. На его лице отразилось дикое изумление. Он резко завел руку назад и сорвал прикрепленный к одежде материнский талисман заимствования духовной силы.

Когда этот щенок успел?..

Неужели... когда он тащил его на закорках по дороге сюда?

Фан Сяньшань в ярости разорвал бумагу в клочья, но было поздно — духовная сила уже перетекла к адресату. Амулет мира и покоя, вобрав в себя колоссальный объем энергии, вспыхнул ослепительным лазурным сиянием.

Тяжелое, давящее величие, разлившееся в воздухе, заставило Фан Сяньшаня содрогнуться. Он мгновенно понял: амулет нацелен прямо на него.

— Тварь малолетняя! — взревел он от бешенства и страха. Схватив Гун Чэня за горло, он вздернул его над землей. — Ты с самого начала мне не верил?! А ну останови эту штуку, не то я придушу тебя прямо сейчас!

— Кх... ха-ха...

Воздуха критически не хватало, лицо мальчика заливала кровь, но уголки его губ поползли вверх. Из разодранного горла вырвался хриплый, безумный смех:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Дело было не в доверии. Мальчик просто чувствовал, что Фан Сяньшань никогда не был настолько близок с его родителями, чтобы без раздумий рисковать ради них головой.

Он хотел позвать на помощь других даосов, но оказался слишком слаб и беспомощен — никто не пошел за ним.

Он оставил при себе этот козырь лишь из страха, что Фан Сяньшань бросит его и сбежит. Но кто же знал, что этот ублюдок окажется настоящим зверем...

Лицо Гун Чэня было сплошь покрыто багровыми потеками, губы посинели от удушья, но в его черных глазах горела бешеная, дикая решимость загнанного в угол хищника.

—... Не забывай... во мне тоже... течет кровь... клана Дуань...

— Фан Сяньшань... ха-ха... думаешь... я не прокляну тебя?

От этого ледящего душу взгляда Фан Сяньшаню стало не по себе. В груди шевельнулся суеверный страх. Он невольно разжал пальцы и лишь мгновение спустя осознал, что натворил.

Что?!

Его, взрослого заклинателя, напугал четырехлетний сосунок?

— Смех да и только! — проскрежетал зубами Фан Сяньшань и с размаху пнул распростертого на земле Гун Чэня. — Твои предки уже гниют по моей милости, а ты, ничтожество, еще смеешь мне угрожать?!

— Ха-ха-ха-ха! — Гун Чэнь корчился на земле, жадно хватая ртом воздух. За этим надрывным, безумным хохотом он пытался спрятать разрывающую сердце боль и отчаяние. — Посмотри... на небо.

Фан Сяньшань одеревенело задрал голову.

В следующий миг бескрайнее море лазурного света обрушилось на него сверху. Всполохи белоснежных клинков отчетливо высветили искаженную ужасом маску на его лице.

Ковыляя и цепляясь за стены, Гун Чэнь побрел прочь из переулка. Мать когда-то говорила ему, что у этого мечевого строя есть собственная воля — заклинание никогда не причинит вреда создателю или его близким.

Однако Фан Сяньшаня эта атака вряд ли убьет. Нужно бежать, и как можно скорее. Только оставшись в живых, он сможет отомстить.

Не только Фан Сяньшаню.

Но и тому, второму... настоящему палачу.

Главное — выжить.

Выбраться из этого проклятого тупика.

Впереди уже виднелась оживленная, шумная улица. Мальчик приоткрыл рот, собираясь крикнуть, позвать на помощь...

Но чья-то ледяная ладонь бесшумно опустилась ему на лицо, зажав рот.

Мертвенно-бледная кожа, багровые узоры клейма и клубящаяся черная дымка, обвивающая предплечье.

— М-мх!.. — Горло сдавило, сердце испуганно замерло.

— Думал, спасение уже близко? — раздался из-за спины тихий, обжигающий холодом смешок.
— Обидно, правда?

Гун Чэня затрясло крупной дрожью. В этой дрожи слились воедино дикий ужас и клокочущая ярость. Как... как эта тварь посмела говорить голосом его отца?!

— Ошибаешься, — прошелестел голос. — Я следил за каждым твоим шагом. У тебя с самого начала не было ни единого шанса на побег.

Гун Чэнь в отчаянии зажмурился.

— Столько лет прошло, а видеть меня способен только ты. Удивительно. Впрочем, мне это даже нравится, — бормотало чудовище, утаскивая ребенка обратно вглубь переулка. — Все остальные, кого я забирал, подышали, даже не успев ничего понять.

— Ни страха, ни борьбы. Со временем я стал ловить себя на мысли, что просто набиваю брюхо, и перестал замечать разницу между людьми и скотом.

— Я почти позабыл, каким изысканным и упоительным делом может быть настоящая охота.

Раздался сухой хруст — существо небрежно сломало мальчику гортань и отпустило его, заставив рухнуть на колени. Тварь замерла прямо перед ним.

И перед ним стоял его собственный отец, Гун Цзиньчжи. Лицо, фигура, голос — все было точной копией.

Лже-Гун Цзиньчжи склонил голову, разглядывая искаженное мукой, безмолвное лицо своего «сына». На его губах заиграла довольная, сытая улыбка.

— Поэтому...

— Я убью тебя собственными руками твоего отца. Ну же, покажи мне больше эмоций, хороший мальчик.

Раздался мерзкий чавкающий звук.

Пальцы лже-Гун Цзиньчжи вонзились в грудь ребенка, пробивая плоть. Его холодная ладонь медленно, почти ласково сжала крошечное, бешено бьющееся сердце.

Отчаянная, невыносимая боль затопила сознание.

Было так больно, так больно, что хотелось кататься по грязи, кричать во весь голос, звать хоть кого-нибудь... Хотелось просто умереть прямо сейчас, лишь бы все прекратилось.

— Хочешь умереть прямо сейчас?

Существо мгновенно прочитало его мысли. Глаза твари сощурились в улыбке. Свободной рукой она сделала легкий жест, и два бумажных фонаря, висевших над воротами усадьбы Гун, послушно сорвались с мест и зависли в воздухе перед ними.

— Все очень просто, — вкрадчиво и нежно прошептала тварь, указывая на фонари. — Выбери один и съешь его.

Лицо Гун Чэня сделалось блее мела. Он уставился на фонари безумным взглядом. В его груди вспыхнула такая ярость, что она на миг затмила даже разрывающую тело боль.

— Не спеши отказываться.

Лже-Гун Цзиньчжи мягко усмехнулся, вытащил окровавленную руку из его груди и отступил на шаг.

— Ты сам этого захочешь.

Капли крови с его пальцев упали прямо внутрь бумажных фонарей.

— Воспряньте, дорогие мои, — ласково пропел он. — И вкусите свою первую плоть после пробуждения.

Секунда мертвой тишины.

Затем фонари бешено задергались, с глухим стуком повалились на землю, и из них с шорохом выкатилось нечто склизкое.

Почуввав запах свежей крови, эти твари, подобные голодным цепным псам, с рычанием набросились на Гун Чэня, валя его в грязь и широко разевая пасти.

Разум мальчика окончательно помутился.

Это же его родители! Отец и мать!..

Мир вокруг начал рушиться.

Спасите... Кто-нибудь, спасите!..

Острые зубы рвали его плоть, кровь хлестала из ран, смешиваясь с потоками слез.

— Бедное дитя. Невыносимо больно, правда? — донесся сверху искушающий голос.

Мальчик судорожно закивал.

— Откуси хотя бы кусочек от любого из них, проглоти... — ласково журчал голос. — И я сразу же заставлю их остановиться.

Ребенок дрожал всем телом. В полузабытьи он несколько раз приоткрывал рот, но всякий раз с силой смыкал челюсти, до скрежета зубовного.

Он чувствовал, что кровь течет все медленнее. Нужно лишь потерпеть. Еще совсем немного, и наступит смерть.

Еще чуть-чуть...

— Надеешься дождаться, пока испустишь дух от потери крови?

Голос тихо рассмеялся:

— Не выйдет. Все это — лишь созданная мной иллюзия, твое тело на самом деле невредимо.

— И даже если ты съешь их, это не будет правдой.

— Так что не мучай себя, хороший мальчик. Отпусти этот груз.

«Иллюзия?..»

В душе мальчика выгорело последнее тепло. Острые зубы вырвали очередной кусок плоти из его шеи. Перед глазами все плыло. Он слепо потянулся вперед и схватил одну из терзавших его тварей.

«Отец... — плакал он в глубине души. — Мне так больно, мне правда очень больно. Прости меня, ладно? Я больше не могу, прости... Я правда... больше не выдержу...»

Хруст. Противный, влажный хруст.

Улыбка на лице лже-Гун Цзиньчжи дрогнула и застыла.

Мальчик вонзил зубы в собственное запястье. Рыдая навзрыд, он с безумной силой вырвал кусок собственного мяса. Из раны хлынул новый поток настоящей, горячей крови.

Пусть те твари были лишь мóроком.

Но сам он был настоящим.

И раны, которые он наносил себе сам, тоже были настоящими.

Больно.

Неважно.

Больно.

Неважно.

Больно.

Неважно.

Повторяя эти слова как безумное заклинание, мальчик с каменным, застывшим лицом продолжал терзать собственную плоть, превращаясь в сплошное кровавое месиво.

— Какая трогательная сыновья преданность, — ледяным тоном процедила тварь. Потеряв всякое терпение, она опустила перед ним на корточки и вонзила когти глубоко в его грудную клетку, насквозь пробивая сердце. — Мерзость какая.

Боль в груди вспыхнула с новой, уничтожающей силой.

Наконец-то... Конец.

Тяжелые ресницы мальчика медленно опустились, навеки скрывая потухшие глаза.

Он никогда не верил в силу проклятий, но сейчас у него не оставалось иного оружия. Всецелой оставшейся душой, каждым угасающим биением сердца он слал небесам самый страшный, самый ядовитый призыв.

Он проклинал чудовище перед собой.

Он желал ему познать все муки ада, захлебнуться собственным страхом и сдохнуть в мучениях, в сотни... в тысячи раз превосходящих то, что вытерпели его близкие.

Чтобы эта тварь вовеки не обрела покоя.

Чтобы никогда не переродилась.

— Прекрати!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Внезапно до ушей Гун Чэня долетел пронзительный, полный ярости и отчаяния крик.

Со стороны улицы кто-то бежал сюда — быстро, тяжело дыша. Топот шагов гулко разносился в узком проулке.

В то же мгновение вальяжное чудовище, так долго упивавшееся ролью хозяина положения, бесследно растворилось в воздухе.

Словно проклятие подействовало незамедлительно, и оно, узрев нечто неописуемо жуткое, в панике сбежало.

«Кто это? Кто меня спас? Впрочем... какая теперь разница...»

Теряя сознание, Гун Чэнь свернулся калачиком на холодной земле и из последних сил прижал к себе два неподвижных, окровавленных черепа.

В его спасении не было радости.

Он знал лишь одно: отныне у него больше нет ни отца, ни матери.

Мириады лазурных искр вспыхнули перед глазами, их мощь многократно превосходила силу прежнего заклинания. Потоки света с ревом проносились мимо Гун Чэня.

Он словно погрузился на самое дно бирюзового океана, где вместо волн скользили холодные белоснежные лезвия, возвращая его в кошмар далекого детства.

Прошло немало времени, прежде чем Гун Чэнь сумел вырваться из липких объятий прошлого.

Он внезапно осознал, что яростный вихрь клинков оставил на его теле лишь мелкие царапины

— легкое напоминание о наказании. Сияние не разорвало его на куски.

Ли Наньюань не собиралась лишать его жизни.

Он... снова выжил.

За свои годы он не раз балансировал на краю могилы, но лишь дважды этот край был столь осязаем, а спасение — столь врезающимся в память.

Первый раз — в четыре года, когда после нечеловеческих пыток он чудом остался дышать.

Истерзанный ребенок, прижимающий к груди головы родителей. Тело уцелело, но душа его умерла в том тупике.

Оставленный всеми, без дома, без надежды — один в целом мире.

И второй раз — прямо сейчас.

Лазурный свет, рожденный тысячами парящих мечей, медленно гас, оседая на землю сияющей пылью. Гун Чэнь опустил взгляд и увидел, что его рука по-прежнему крепко сжата чужой ладонью.

Этот человек держал его с такой силой, словно Гун Чэнь висел над бездонной пропастью, и разжать пальцы означало потерять его навек.

Красная нить на запястье нагрелась, обжигая кожу.

Казалось, старые, гниющие шрамы на сердце готовы затянуться новой, живой плотью.

Гун Чэнь поднял голову. Тот, второй, сделал к нему стремительный шаг и порывисто, без лишних слов прижал к себе.

— Гун Чэнь, — выдохнул Сюй Цыань ему в самое ухо. Голос его дрожал, срываясь от пережитого страха. — Ты меня до смерти напугал.

В первый миг Гун Чэнь вздрогнул, словно от укола иглы, и его тело инстинктивно напряглось, готовое оттолкнуть чужака.

Но объятия Сюй Цыаня были слишком крепкими.

Он не мог вырваться.

Да и не хотел.

Сердце глухо стукнуло.

В груди, под онемевшей кожей, робко и упрямо забилось что-то живое.

Сначала один раз. Затем другой.

Он помедлил немного, а затем медленно, неуверенно поднял руку. Секунду его ладонь подрагивала в воздухе, после чего мягко легла на шею Сюй Цыаня.

Только сейчас Гун Чэнь по-настоящему осознал, что на них обоих надеты свадебные платья самого яркого, алого цвета.

У него... снова появилась семья.

<http://bllate.org/book/20729/2132242>